

АКТУАЛИЗАЦИЯ МАТЕРИНСКОГО ЯЗЫКА В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

О.Г. Борисова, Л.Ю. Костина

Ключевые слова: языковая личность, кубанский диалект, метаязыковое сознание.

Keywords: language personality, Kuban dialect, metalanguage consciousness.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-02

Для современной антропоцентрической лингвистики характерно обращение к изучению феномена языковой личности в различных аспектах: когнитивном, коммуникативно-деятельностном, лингвокультурологическом и др. Интерес исследователей к языковой личности способствовал становлению отдельной области научного знания – лингвоперсонологии [Иванцова, 2010; Мельник, 2011 и др.]. Учеными разработана разветвленная типология языковых личностей, определяющая различные статусы их существования: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая языковая личность (С.Г. Воркачев), элитарная (Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротинина), семиологическая (А.Г. Баранов), русская (Ю.Н. Караулов), языковая и речевая (Л.П. Клобукова, Ю.Е. Прохоров), словарная (В.И. Карасик), эмоциональная (В.И. Шаховский), письменная и читающая (В.В. Наумов), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), языковая личность «средневекового человека» (Т.И. Вендина), фольклорная (С.Е. Никитина) и др. В центре внимания диалектологов находится диалектная языковая личность (К.И. Демидова, Е.В. Иванцова, В.Д. Лютикова, В.П. Тимофеев и др.). Помимо описаний характеристик языковой личности непосредственных носителей говора изучается и языковая личность бывшего сельского жителя. М.В. Власкова называет его бывшим диалектоносителем, при этом подчеркивая, что данная характеристика условна, поскольку «в определенной мере он продолжает оставаться таковым» [Власкова, 2012].

В современных условиях нивелирования народных говоров ценность для диалектолога представляет каждый человек, в речи которого проявляются диалектные черты. Безусловно, в первую очередь собиратель записывает представителей старшего поколения,

однако и их потомки, владеющие литературным языком, имеющие высшее и среднее специальное образование, могут также представлять интерес в диалектологическом плане. Среди них выделяются информанты, владеющие диалектно-литературным двуязычием, то есть способные переходить с литературного языка на диалект и наоборот в зависимости от модуса коммуникации. В Краснодарском крае переключение кода свойственно многим жителям тех сельских населенных пунктов, где исторически складывались кубанские говоры с украинской языковой основой. Для носителей же кубанских говоров с южнорусской языковой основой подобное явление невозможно в силу близости южнорусских говоров к литературному языку.

К другой категории информантов можно отнести *ретроспективных хранителей говора*, которые способны к реконструкции отдельных диалектных фонетических, грамматических и лексических особенностей языка своих земляков. Среди них выделяются сельские жители, хранящие в пассивном запасе лексические единицы местного говора и воспроизводящие их в беседе с диалектологом, отвечая на конкретные вопросы. Отдельную группу ретроспективных хранителей говора образуют носители литературного языка, вернувшиеся в определенном возрасте к материнской основе речи (говору), сформированной еще в раннем детстве. Как правило, это явление, получившее название *языкового регресса*, происходит в старости, на что указывается в научной литературе [Белякова, 2005; Калнынь, 2007; Коготкова, 1970; Скитова, 1966]. По нашим данным, такое речевое поведение характерно и для лиц, достигших 50 лет. Так, наблюдения над речью научного сотрудника музея казачьего быта ст-цы Старотитаровской, ее коренной жительницы, О.Н. Упарь, 1963 года рождения, которые ведутся с 2006 года, показали, что до 50 лет в ее речи практически отсутствовали диалектные черты. Однако заметно они стали проявляться после достижения ею этого возраста. Следует отметить, что языковой регресс – явление неосознанное, диалектные черты возникают в речи информантов спонтанно.

Между тем среди ретроспективных хранителей говора выделяются языковые личности, осознанно сохраняющие в памяти диалектные слова и фразеологизмы, поговорки, пословицы, воспроизводя их в диалектной огласовке. Полагаем, что подобное речевое поведение можно назвать *сознательной актуализацией материнского говора в языковом сознании современного сельского жителя*.

Один из таких информантов – житель станицы Натухаевской (г. Новороссийск) Комерзан Николай Александрович, 1975 года

рождения, знакомство с которым произошло во время диалектологической практики в июле 2018 года. Ее руководители и студенты проживали в здании бывшей церкви в центре станицы. Николай Александрович патрулировал центральные улицы и обратил внимание на скопление молодежи. Узнав, что это участники экспедиции, Н.А. Комерзан сразу проявил к ней живой интерес. Из беседы с ним мы узнали, что он шестой, поздний ребенок в семье. Когда он родился, матери исполнилось 45 лет, а отцу – 50. Его родители, коренные кубанцы, говорили на кубанском говоре с украинской языковой основой и не владели русским литературным языком. Николай Александрович вырос в диалектной языковой стихии. По его признанию, «это была атмосфера жизни». Особое влияние на информанта оказала мама – Новикова Мария Григорьевна, 1931 года рождения, обладавшая независимым, казачьим характером. Она любила петь народные песни и приучила к этому младшего сына. Н.А. Комерзан рассказал, как во время болезни бабушки жил у нее вместе с матерью на другом краю станицы и их любимым вечерним времяпрепровождением было пение. Именно от матери передалась Николаю Александровичу любовь к родному языку. По словам Н.А. Комерзана, в ее речи «было много различных изречений, по которым можно диссертацию писать».

Размышления Н.А. Комерзана о говоре демонстрируют, что наш информант обладает развитым метаязыковым сознанием. Как известно, наличие языкового сознания, представляющего собой механизм регуляции человеческих отношений с миром посредством языка [Иванцова, 2009; Ростова, 2000], – главный признак языковой личности. Категория языкового сознания понимается нами «как некое моделирующее устройство, с помощью которого можно конструировать знания, мнения, впечатления говорящих об определенных фрагментах действительности, сформированные в виде когнитивных структур, а также описывать семантику слов как достояния индивида» [Бутакова, 2011, с. 27]. Различают глубинный уровень языкового сознания (предмет изучения психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингводидактики, семасиологии, лингвистики текста, лингвокультурологии) и поверхностный уровень языкового сознания – метаязыковое сознание (МЯС), наиболее ярким проявлением которого являются «вербализованные суждения о языке как результат осознания языковой действительности» [Ростова, 2000, с. 55]. Важно подчеркнуть, что склонность к рассуждениям о родном говоре – характерная черта языковой личности Н.А. Комерзана. По признанию Николая Александровича, его всегда волновала судьба

местного диалекта, он пытался фиксировать диалектные слова и выражения (записи оказались, к сожалению, утраченными), отмечал для себя неповсеместное владение говором коренных жителей станицы старшего поколения (показательны его замечания о близости к разговорному литературному языку речи малообразованной бабушки жены). Рефлексия по поводу материнского языка особенно наглядно прослеживается в рассказах информанта, в которых присутствуют маркеры проявлений МЯС. Это, например, оценочные характеристики говора, констатация объединяющего начала материнского языка, выполняющего функцию скрепы сельского коллектива, сожаление по поводу размывания диалекта, осознание невозможности реконструкции местного говора в его архаическом состоянии, а поэтому важности сбора диалектного языкового материала с целью сохранения диалекта как части традиционной народной культуры. См. фрагмент беседы (здесь и далее речь Н.А. Комерзана приводится в орфографической записи; способом малограмотного письма подаются диалектные слова и фразы, сказанные на говоре): *А вы знаете, здесь вот наш регион, вот наше место, Натухаевская, здесь такой замес: здесь замес и казаков, и молдаван, и армяней, здесь столько народностей живет. И это все в совокупности дает что-то такое вот, то, что есть. Вот сейчас, кстати, менталитет очень сильно меняется, вот я еще запомнил то, когда это было, действительно это было, ну вот, я не знаю как, может быть, и тогда смущался, говоря об этом. Вот сейчас этот диалект, этот говор, его не услышишь. А когда присутствуешь где-нибудь, например, на поминках, там уже поминают старика какого-то, и вот эти вот люди того времени собираются вместе, и они начинают там разговаривать, там, как они поминают, как они смотрят, как они друг друга поддерживают, и это возродить, мне кажется, невозможно. Почему? Потому что люди в тот момент пережили голодовку, видели предательство, когда здесь все же друг друга знали, а тот полицаем был, вот сидел. И все это замешено еще на вот этом диалекте, на говоре. И когда это рассказывается, это просто, это не разговор, это песня, которая льется... Ребят, а вот вы занимаетесь таким интересным делом. И вот для меня, например, насколько это богатый язык, насколько он обширный, сколько там много разных слов, значений. И это все нужно воспринять, осмыслить, и насколько вот и это наше все. И вот, я не знаю, я так немножко ревностно отношусь, когда мы начинаем, у нас вон какая богатая, богатейшая культура, а мы начинаем заимствовать еще какие-то там непонятные заморские слова.*

МЯС может проявляться и в комбинации коммуникативных регистров в речи информанта. В структуре текста, как известно, выделяют следующие коммуникативные регистры: *репродуктивный* (воспроизведение непосредственно наблюдаемого говорящим, при этом субъект речи находится в хронотопе происходящего), *информативный* (сообщение о фактах, событиях свойствах, не прикрепленных к единому с субъектом речи хронотопу; отражение сферы знания, полученного в результате опыта, многократного наблюдения, осмысления), *генеритивный* (обобщение информации, связанной с универсальным опытом человечества, накопленным веками), *волюнтативный* (побуждение адресата к действию, требование внести изменения во фрагмент действительности) и *реактивный* (оценочная реакция на ситуацию) [Золотова, Онипенко, Сидорова, 2004]. Анализ фрагментов речи Н.А. Комерзана демонстрирует, что в ней преобладает информативный регистр, присутствие в котором реактивного регистра речи в качестве своеобразного эмоционального комментария позволяет передать глубокую озабоченность информанта утратой языковой преемственности поколений из-за ухода из жизни носителей традиционной культуры. Высказывания в репродуктивном регистре, в которых анализируется современная языковая ситуация, также содержат сожаление информанта о нивелировании местного диалекта. Отметим, что реактивный регистр присущ диалогической речи, однако в данном случае он не открывает формального диалога, транслируя в рамках монолога эмоциональное состояние рассказчика и его оценку современной языковой ситуации. Комбинаторика информативного и реактивного регистров речи осложняется появлением генеритивного регистра, для которого характерны обобщение информации, актуализация рефлексии рассказчика, презентация его душевных переживаний. Генеритивное высказывание обычно облекается в форму умозаключения, сентенции, афоризма, пословицы. В нашем случае это образное высказывание: *Говор – это песня, которая льется*.

В диалогической речи Н.А. Комерзана (полилоге со студентами-практикантами) ведущим коммуникативным регистром речи является волюнтативный. В нем содержится побуждение адресатов к действию, призывы использовать диалектные слова и ограничить число «заморских слов». Так, Н.А. Комерзан обращает внимание студентов на экспрессивность и выразительность существительного *выхаля'сы* 'вычурное поведение, выкрутасы'. Лексема *выхаля'сы*, по всей вероятности, является производной от глагола *халясува'ти* 'танцевать, плясать' [Гринченко, III, с. 385], который в СУМ имеет помету диал.

(диалектное) [СУМ, 11, с. 15]. В наших материалах данный глагол не зафиксирован, на Кубани широко бытует его синоним *танцюва'ты*. Диалектное существительное образовано по той же деривационной модели, что и разговорное *выкрута'сы* 'Затейливые, замысловатые телодвижения, па или причудливые росчерки, линии и т.д.' [МАС, I, с. 262]. Это экспрессивное существительное информант настоятельно советует студентам ввести в свой лексикон: *Выхалясы – выходки. Можем вот, например, кепку там одел, и тоже выхалясами можно назвать. Или какой-то поступок такой вот, который там сделал, – выпендрился, что-то такое. А если вот вы, как специалисты в этом вопросе, нахваталися таких фишечек и давай их популяризировать, в общество закидывать. Что мы будем равняться там на кого-то, у нас свое есть. И будем выхалясы такие...*

Сознательная актуализация материнского говора проявляется в способности к воспроизведению диалектной лексики и фразеологии. Н.А. Комерзан в беседе с диалектологом свободно приводит целые ряды диалектных слов: *база'рь* 'базар', *бе'[э]ле[э]бэнь* 'холодный, пронизывающий ветер, дующий на открытом пространстве', *валухова'тый* 'медлительный, нерасторопный, неповоротливый', *во'хкий, глыквы'й* 'плохо пропеченный, сыроватый', *вы'лупок* 'груб. маленький ребенок', *вытрешкоо'кий* 'с большими глазами', *голодо'вка* 'голод', *дывы'ться* 'смотреть', *засмыга'ться* 'курить (закурить), затянуться папиросой', *кабы'ця* 'углубленная в землю глиняная печь, на которой готовили во дворе с ранней весны до поздней осени', *леда'чий* 'ленивый', *ловкий* 'красивый', *луна'тый* 'большеглазый, с глазами навывкате', *моторок* 'мотороллер', *мы'тусь, мы'тусем* 'о людях, лежащих головами в противоположные стороны', *найти' (сь)* 'родить(ся)', *прийма'к* 'муж, живущий в доме жены', *родыча'ться* 'поддерживать близкие отношения с родственниками', *цыка'вый* 'язвительный, острый на язык', *чау'н* 'горшок, сосуд, чугунок' и др. В словарном запасе информанта, помимо диалектных слов, есть много устойчивых выражений: *быка'м хвосты' круты'ть* 'заниматься непрестижным трудом', *бурьяны' в о'кна загляда'ют* 'о заросшем огороде', *каза'к на коне', а дефчи'на в пе[э]ле[э]не'* 'о том, что жена казака должна быть значительно моложе мужа', *як а'нгел ха'ту пе[э]ре[э]ле[э]те'л* 'о тишине в доме, когда дети перестали шуметь', *як све[э]кр пе[э]люшки' стира'ть* 'чем-л. маловероятном, невозможном' и др. Функционирующие в речи языковой личности фразеологизмы составляют тот фонд, который способствует «рассмотрению ее на когнитивном уровне, когда единицы отражают

относительно устоявшуюся картину мира носителя» [Юнаковская, 2011, с. 60].

Особенно ценной в работе с данным информантом оказалась фиксация слов и устойчивых выражений, не зарегистрированных в картотеке и словарях кубанских говоров. Так, было записано сложное прилагательное *до'лготеле'сый* 'высокий и стройный', образованное путем сложения двух корней ДОЛГ- и ТЕЛЕС-. Первый корень ДОЛГ- 'длинный' в кубанских говорах имеет произносительный вариант ДОВГ- (чередование [Л] с губно-губным [В]; см., например: *до'л(в)гий*, *дол(в)гоно'сый* и др.). В украинском языке в аналогичном значении функционирует прилагательное *довготеле'сий* [Гринченко, I, с. 402]. В речи нашего информанта наблюдается русифицированная огласовка диалектного слова. Обращает на себя внимание изменение коннотации лексемы: нейтральная в материнском языке и неодобрительная в кубанском говоре. См. высказывание информанта: *Долготэлэса – высокая, стройная девочка. На данный момент это модельная внешность. Это вот долготэлэса. А раньше была мода на небольших, слегка полненьких девочек. А если она долготэлэса, то, наверное, она болеет чем-то.*

К не зафиксированным в картотеке кубанских говоров относятся и некоторые устойчивые выражения, приведенные Н.А. Комерзаном. Например, *коса'рьский пирижо'к* 'большой пирожок с большим количеством начинки': *К нас пундыков нема. У нас только пирижки косарьские. Ну, косарьскими пирижками называли большой пирожок, где много начинки. Ну, косарьский пирижок один взял и наелся. Ко'сарь затрачивает много сил на покосе. Не поешь – косы не потянешь.* Традиционно на Кубани *пу'ндыками* называют что-то вкусное, десерт, из пояснений же информанта следует, что *пу'ндыкы* – это маленькие, аккуратные пирожки, показатели мастерства хозяйки, способной приготовить изысканное блюдо. В этом случае *коса'рьские пирижки'* противопоставляются *пу'ндыкам* и по размеру, и по количеству начинки.

Устойчивое выражение *як/как не[э]дрэ'[э']бынькиви кони* 'о паре, где мужчина ниже женщины по росту'. Приведем контекст, в котором отражается склонность информанта к народной этимологии: *Нэдрэбынькиви кони, нэдрэбынькиви кони – это вот у меня когда супруга одевает кабдуки, и вот мама говорила: «О, как нэдрэбынькиви кони». Это што? Это, значит, когда муж ниже своей супруги. Это было, а почему так, я не знаю. Я вот так потом рассуждал: думаю, может, у этого фамилия была, Нэдрэбынь, и у него кони были разноуровневые... Возможно, данное выражение было*

индивидуализмом матери информанта, речь которой, по воспоминаниям Николая Александровича, отличалась образностью и экспрессивностью.

В речи родителей и их друзей Н.А. Комерзан часто слышал и фразеологизм-словоформу *до /у Батёхи* 'на кладбище' (местный житель по фамилии Батёха был смотрителем станичного кладбища). Приведем рассказ информанта: *Фамилия Батёха здесь у нас есть, в станице живут сейчас. А вот у стариков, у того поколения, которые ну вот дружили с моими родителями, и вот у них там было между собой такое выражение: та мне уже до Батёхи пора, или когда, например, что-то трудное, там работать: да у Батёхи отдохнем уже, то есть это значит там, на кладбище, уже отдохнем.* Следует отметить, что в отдельных населенных пунктах Краснодарского края нами также зафиксированы локальные варианты выражения *на кладбище*, например: *в сирень* (ст-ца Владимировская Лабинского района), *на пятую сотню* (с. Кулешовка Белоглинского района). Но в отличие от приведенных выражений, активно функционирующих в говорах указанных населенных пунктов, в ст-це Натухаевской фразеологизм *до /у Батёхи* в настоящее время местными жителями уже не используется.

Фразеологизм *ко'зы лы'жут(ь)* 'кто-либо испытывает проникающий под одежду холод' равен по структуре простому двусоставному предложению. Информант приводит его в своеобразном анекдотическом контексте: *А, козы лыжуют? Это я вам могу один такой сказать, ну анекдот, или притказку, рассказать. Когда в сарае спят два: баран и козел, и утром баран просыпается, на нем изморозь такая, слегка там снежком его припорошило, и он, значит, такой сразу: «Ну, морозец». А козел такой: «Сейчас вэээчер». Трясется. То есть мех, скажем так, или шкура козья эта его, ну, если использовать, то очень редко, это была' ненадежная в мороз. А то выражение, что козы лыжуют, это вот когда оделся тепло, да холодом обдает, холодно. И вот там, ну вот как, стоит вот, ну оделся молодой парень, собираешься там на дискотеку или еще куда-нибудь. Ну в молодости оделся, вышел и, ну, начинаешь подмерзать, и дед такой какой-нибудь в тулупе стоит: «Што, козы лыжут?» Ну эта вот, вот так вот.*

Анализ речи информанта показал, что он часто использует пословицы и поговорки, в которых заложены аксиологические ориентиры, унаследованные им от старшего поколения. Николай Александрович считает важным передать их и своему сыну. Многие паремии Н.А. Комерзан впервые услышал от матери. См., например:

Она (мама) была такая вот, у нее столько была различных изречений. Ну вот: «Дывы'сь, Мыко'ла, за свои'мы колэ'самы, як кру'тяця». Я его часто употребляю в нынешней, повседневной жизни, когда начинаются какие-то осуждения, чего-либо там, других людей или какой-то жизненной ситуации, то я всегда это вспоминаю, привожу в пример. Это вот даже для вас, для молодого поколения, можно. Я сыну своему (сын у меня, двадцать один год), это ставлю в пример и говорю вот, теперь ему говорю: «Тэпэр дывись, Сашко, за своими колэсами, як крутяця, як мэни мама казала ф свае время». Вот. Поэтому нужно смотреть за своими поступками, за своими действиями, за своим поведением, за своим мировосприятием, то есть за собой, а не осуждать других и так далее.

Со слов матери информант запомнил еще одну рифмованную поговорку *молчи' и дыш, и будэ бары'ш*, которая вошла в его активный словарь. См. рассуждения информанта: «*Мыкола, малчи и дыш, и будэ барыш*». Когда начинаются, скажем так, проблемы, ну не проблемы, может быть, осуждения, не осуждения, а критика либо власти, либо непосредственно своего руководства, начальства, а эта, ну, каким-то образом же, может быть, потом получить за это наказание, правильно? И поэтому вот здесь вот такое вот выражение. Эта что значит: *молчи ровненько, дыши, и будут тебе потом какие-то дивиденды. А если будешь там воздыхать, там что-то не нравится или еще что-то, то получишь по голове патом. Вот.*

Рифмованность поговорки: *Ко'зий тулу'п и тополи'ни дро'ва – и смерть гото'ва* – также способствует ее запоминанию. Смысл поговорки состоит в том, что тулуп из меха козы не согревает зимой, а дрова из тополя быстро прогорают и не дают жара. Отсюда народная мудрость, предупреждающая о последствиях недальновидной подготовки к холодам.

Отличительной способностью Н.А. Комерзана является его способность передавать фольклорные тексты в современной, авторской интерпретации. См., например, пересказ известной на Кубани шуточной истории про *мыгы'чку* ('мелкий моросящий дождь со снегом'): *А про мыгычку вы знаете? Ну это дед с внуком едут у базарь. Ну на чем едут? Конечно, не на мерседесе, а на подводе. И идет мелкая изморось, а дед глуховат, а еще самогоночки подкинул. И вот это, с утра выехали раненько и едут. А внук же спрашивает: «Диду, шо цэ идэ?» «Та цэ мыгычка». Несколько раз задавал внук этот вопрос. А дед: «Та цэ мыгычка». И опять кунять. А внук и говорит: «Диду, ця мыгычка сыйила нашэ тэлычко». В данном пересказе обращает на себя внимание русифицированная форма *сый'ла* (вместо*

диалектного *зѣла*), последовательное использование архаической звательной формы *ди́ду*, указательного местоимения *це, ця* ‘это, эта’, формы глагола 3-го л., ед. ч. *идэ́* без конечного [Т], диалектной лексики: фонематического диалектизма *база́рь*, существительного среднего рода *телы́чко* ‘телка’, глагола *куня́ть* ‘дремать, клевать носом’.

Анализ речевого поведения Н.А. Комерзана позволяет заключить, что он представляет собой особый тип языковой личности. Ретроспективный хранитель говора, Николай Александрович сознательно актуализирует в своей речи материнский язык, что во многом обусловлено развитым МЯС. Ценность таких информантов возрастает в современных условиях нивелирования говоров. Считаем правомерным привлекать их к сбору языкового материала, что позволит максимально полно зафиксировать прежде всего диалектную лексику и фразеологию.

Литература

- Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области): дис. ... док. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Бутакова Л.О. Лингвистическое моделирование этнических фрагментов регионального языкового сознания // Филология и человек. 2011. № 3.
- Власкова М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2012.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Иванцова Е.В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1. Кемерово; Барнаул, 2009.
- Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск, 2010.
- Калынь Л.Э. Лексика русских диалектов в связи с воздействием на них литературного языка // Межязыковое влияние истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.
- Коготкова Т.С. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.
- Мельник Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1.
- Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.
- Скитова Ф.Л. Явление регресса и эволюции речевой практики поколения // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Ч. II. Самарканд, 1966.
- Юнаковская А.А. Фразеологический аспект описания конкретной речевой личности // Филология и человек. 2011. № 1.

Список словарей

- Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка: в 4-х тт. Киев, 1958.
Словарь русского языка: в 4-х тт. М., 1957–1961. (МАС)
Словник української мови. Київ, 1970–1980. (СУМ)

References

- Belyakova S.M. *Obraz vremeni v dialektnoy kartine mira (na materiale leksiki i frazeologii russkikh starozhil'cheskikh govorov yuga Tyumenskoj oblasti)* [Image of Time in a Dialect Picture of the World (on material of lexicon and phraseology of Russians the starozhilcheskikh of dialects of the South of the Tyumen region)]. Cand. of Philol. Diss. Ekaterinburg, 2005.
- Butakova L.O. *Lingvisticheskoe modelirovanie etnicheskikh fragmentov regional'nogo yazykovogo soznaniya* [Linguistic Modeling of Ethnic Fragments of Regional Language Consciousness]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011. No. 3.
- Vlaskova M.V. *Yazykovaya lichnost' byvshego sel'skogo zhitelya* [Language Personality of the Former Villager]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Kirov, 2012.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of Russian Language]. Moskva, 2004.
- Ivancova E.V. *Metazykovoe soznanie dialektnoj yazykovoj lichnosti* [Metalinguistic Consciousness of a Dialectal Language Personality]. In: *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: Ontological and Epistemological Aspects]. Kemerovo; Barnaul, 2009. Pt. I.
- Ivancova E.V. *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoj lichnosti* [Lingvopersonology: Fundamentals of the Language Personality Theory]. Tomsk, 2010.
- Kalnyn' L.E. *Leksika russkikh dialektov v svyazi s vozdeystviem na nikh literaturnogo yazyka* [Lexicon of the Russian Dialects in Connection with Impact on Them of the Literary Language]. In: *Mezh'yazykovoe vliyaniye istorii slavyanskikh yazykov i dialektov: sotsiokul'turnyy aspekt* [Interlingual Influence of History of Slavic Languages and Dialects: Sociocultural Aspect]. Moskva, 2007.
- Kogotkova T.S. *Literaturnyy yazyk i dialekty* [Literary Language and Dialects]. In: *Aktual'nye problemy kul'tury rechi* [Current Problems of the Standard of Speech]. Moskva, 1970.
- Mel'nik N.V. *Yazykovaya lichnost' i tekst kak predmet lingvopersonologii russkogo yazyka* [The Linguistic Personality and the Text as a Subject of Linguistic Personality of the Russian Language]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2011. No. 1.
- Rostova A.N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metazykovogo soznaniya* [Metatext as Form of an Explication of Metalanguage Consciousness]. Tomsk, 2000.
- Skitova F.L. *Yavlenie regressa i evolyutsii rechevoy praktiki pokoleniya* [Phenomenon of Regress and Evolution of Speech Practice of Generation]. *Materialy Vsesoyuznoy konferentsii po obshchemu yazykoznaniyu* [Materials of the All-Union conference on general linguistics]. Samarkand, 1966. Pt. II.
- Yunakovskaya A.A. *Frazeologicheskij aspekt opisaniya konkretnoj rechevoy lichnosti* [Phraseological Aspect of the Description of a Specific Speech Personality]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2011. No. 1.

List of dictionaries

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of Ukrainian Language]. In 4 vols. Kiev, 1958.

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian Language]. In 4 vols. Moskva, 1957–1961. (MAS)

Slovník ukrains'koi movi [Dictionary of Ukrainian Language]. Kiev, 1970–1980. (SUM)

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В СМИ¹

В.А. Голянская, Н.В. Мельник

Ключевые слова: политическая лингвистика, манипуляция, стратегии, тактики, интернет-комментарий.

Keywords: political linguistics, manipulation, strategics, tactics, Internet comment.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-03

Данное исследование выполнено на стыке лингвополитологии, лингвопрагматики, теории обыденного языкового сознания, интернет-лингвистики, стилистики и теории текста и посвящено исследованию стратегий и тактик манипуляции массовым сознанием в виртуальных средствах массовой информации и оценке их эффективности.

В современном мире сложно переоценить воздействие СМИ на сознание человека. Однако при таком большом потоке информации человеку порой трудно проверить ее достоверность и критически оценить способ представления. У медиа появилась возможность формировать политические, ценностные и другие общественные установки, вследствие чего стали говорить о таком явлении, как манипуляция массовым сознанием.

Главным инструментом общения выступает язык, поэтому именно языковая манипуляция является самым распространенным типом манипуляции. Этому способствует и то, что язык предоставляет множество инструментов для воздействия на аудиторию. Несмотря на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00522.